

«По дороге очень много было народу. Шли, ну, такое впечатление, как будто бы люди шли не на смерть, а парад это был. Это было столько народу!»

ЗОЯ ЛАТИШЕВА

Зоя Латишева, уроджена Кі Фу Дян, народилася 21 серпня 1936 року у м. Харків. Її батько Микола Миколайович Кі Фу Дян був уродженцем Китаю, у 1920-ті роки він дитиною потрапив до Москви та залишився жити в СРСР, мати – Анна Йосипівна Шпігель, єврейка з релігійної родини. На початок війни та німецької окупації їхня родина мешкала в Харкові, в родині було троє дітей: старша Зоя, молодший брат Віктор та сестричка-немовля Лариса.

З початком війни їхнє помешкання на вул. Короленка було розбомблено, а в грудні 1941 року, вже з нової квартири, родина була вимушена вирушити до бараків верстатобудівельного заводу. Туди, за наказом коменданта Харкова від 14 грудня 1941 року, повинні були переїхати всі євреї міста.

Мати та маленьку сестричку Ларису було вбито в Дробицькому Яру на початку січня 1942 року. Зою та її брата вдалося врятувати: саме про це докладно розповідає пані Латишева у своєму інтерв'ю, уривок з якого знаходиться нижче.

До кінця війни дітей допомагала переховувати знайома їхньої родини Таїсія Чі Фу Лін. Після завершення війни батько із Зоєю, її братом та Таїсією, вже мачухою дітей, переїхали до Львова. Звідти у 1980-х роках Зоя зі своєю родиною емігрувала до Америки.

[Стаття про Зою Латишеву у газеті Дайджест](#)

Усна історія Зої Латишевої записана 25 серпня 1997 року у м. Бруклін, США. Інтерв'юер – Семен Бенціанов. Відеозапис зберігається у Візуальному історичному архіві Фондації Шоа Університету Південної Каліфорнії, США ([Visual History Archive](#)). Код інтерв'ю 33381.

Уривки з інтерв'ю

И. – Скажите пожалуйста, Зоя, а была ли эвакуация перед тем как Ваш город был оккупирован?

З. Н. – Была эвакуация.

И. – Почему вы не эвакуировались все?

З. Н. – Во-первых, я слышала такой разговор мамы с папой. Они спорили между собой. Папа хотел, чтобы мы эвакуировались, потому что он слышал, что немцы евреев уничтожают. А мама объясняла ему, что немцы – гуманная нация и они не будут убивать женщин, стариков и детей. И сказала отцу, что мы никуда не уедем отсюда. И так мы остались, мы не эвакуировались. И, во-вторых, у мамы на руках было трое маленьких детей и ей было очень трудно.

И. – А вообще, Вы не знаете, вот окружающие Вас евреи до войны, они понимали, что их ожидает в случае войны и в случае оккупации? Это я спрашиваю, вот, в

продолжение диалога между мамой и папой по поводу отношения немцев к евреям.

З. Н. – Нет, ведь мама общалась с евреями и у них было одно мнение, что они не будут убивать инвалидов и детей, и женщин. Поэтому многие, очень много осталось евреев в Харькове.

И. – Скажите пожалуйста, а как дальше проходили события? Как началась, например, оккупация города? Как Вы помните дальше события?

З. Н. – Я помню, что вот мы остались на улице. Мы увидели, что наш, нашу квартиру разбомбило, наш дом разбомбило. Мы в чём стояли, у нас больше ничего не было, как мы ушли. Отец стал искать свободное помещение или квартиру. Когда он нашёл – мы все туда переселились. Мы там были. Правда это было недолго, потому что прошло какое-то время, может быть даже неделю или две, немцы вывесили везде такие листовки, где было написано, что все люди еврейской национальности обязаны выехать в район тракторного завода, это ХТЗ называлось. Все, кто не подчинится этому приказу, будет расстрелян на месте. Тогда мама с папой долго советовались и решали, как быть. Мама ещё разговаривала со своей подругой. Её звали... Тетя Лиза – я её так называла. Фамилия её – Дворкина. Елизавета Генриховна. Это была самая близкая мамина подруга. Они ещё так все переговорили. И мама говорит, что надо ехать туда, потому что всё равно тогда, если мы не выйдем, нас расстреляют. Когда... Ну, собираться не надо было долго. У нас особо ничего не было. Мы что было, когда мы вселились в эту квартиру пустующую, кое-что там было. Там мама где-то добыла смалец, помню синюю кастрюлю, вот, ребёнка завернули. Помню папа достал где-то тачку и что там было у нас из одежды – всё погрузили на тачку, и мы тронулись в путь. По улице Московской мы ехали. Папа вёз нас на тачке, посадил меня и брата на тачку, а мама несла в одеяле шестимесячную девочку, дочку. Вот. Когда мы шли по этой дороге, был лютый мороз. Было очень холодно. Ну, нас укутали, как могли. Папа тащил эту тачку. По дороге очень много было народу. Шли, ну, такое впечатление, как будто бы люди шли не на смерть, а парад это был. Это было столько народу! Некоторые тащили на себе чемодан, некоторые – какие-то узлы, другие люди тащили саночки, а в саночках был их скарб. Ещё другие, я смотрела и думаю: «Как же они так тащут?», - они тащили корыто. Привязали верёвку и в корыто сбрасывали свой скарб и так они. Мы шли по этой дороге ледяной, страшной, тревожной дороге. Мы шли, мы этого не знали, но мы

шли на смерть. Потому... Мы шли на смерть. Но немцы обещали, сказали, что там будет еврейский район. Вот почему многие верили в это и верили немцам. Сказали, что будет еврейский район, значит, 50-й или 9-й будет номер – я уже так не помню. Когда мы туда приехали, даже это нельзя сказать слово «приехали». Мы приплелись. Потому что папа был весь мокрый. Мама так устала, уже под конец эту девочку нам дали в тачку, мы её придерживали и так вот мы зашли на этот тракторный завод. В бараки тракторного завода. Это было уже темно. Слышно было крики детей, плач, стоны. Дети выкрикивали: «Мама!», а мамы искали своих детей. Народу было очень много и некуда было деться! Папа нашёл потом свободный барак, и мы поселились в этом бараке.

И. – А что это были за бараки такие?

З. Н. – Это были бараки типа общежитий, деревянные бараки.

И. – Что там было до этого, не знаете?

З. Н. – Вот что было до этого – я даже не могу сказать Вам. Я знаю, что, когда мы зашли в этот барак, там было очень холодно и сыро, и даже окна были разбиты. Может быть, они были специально разбиты и дверь, дверей не было. Ну ребёнок очень плакал у мамы на руках, потому что надо ж было и перепеленать его, и накормить. Мы тоже плакали, мы тоже были маленькие. Я держалась за пальто мамино, за подол мамино пальто. Брат тоже, ему три годика, он тоже хотел на руки. И плакал, потому что мы устали от дороги: хотели есть, пить и спать. Там мама встретила, в этом бараке, свою подругу. Она тоже туда приехала, только она выехала немного раньше, чем мы. И когда папа искал, где место, то он нашёл её и мы туда поселились вместе. Это была мамина близкая подруга, Дворкина Елизавета Гениховна. Со своей дочкой она была. Её звали Люся. В настоящее время Люся жива, находится в Германии. Ну, мы были там, а отец вернулся в Харьков, назад. А мы только с мамой оставались.

И. – А почему он уехал?

З. Н. – Ему можно было ехать, он же не еврей. Там были, если не еврей, то можно было уезжать. И он вернулся в Харьков, а нас там оставил, потому что надо было добывать, где-то искать провизию. Начался голод в Харькове. Кушать нечего было. Пить нечего было! Воды не было. Мы выходили из барака и брали эту кашицу, растоптанный снег, и лизали. Мы так пить хотели. Это грязную кашицу мы пили, ели. Было очень тяжело, было холодно. Мы хотели есть всё время и

плакали. Мама не знала, что делать, потому что всех она хотела согреть, ей было жалко нас...(плачет). Было очень тяжело. Тяжело это вспоминать.

И. – Это вот и было гетто или нет?

З. Н. – Да. Это было еврейское гетто. Это немцы сделали харьковское еврейское гетто там. Через некоторое время мама узнала, что детей забирают у матерей и увозят. Это был, это так и было...

[...]

Спустя некоторое время мама узнала, что детей забирают и люди пропадают. Куда-то людей увозят. И прошёл такой слух, что людей в душегубки загружают и увозят. Мама каким-то путём, в общем, они сообщили отцу и отец приехал.

И. – А что такое душегубки?

З. Н. – Душегубки – это такие машины, чёрные они были. Похожи на наши фургоны, в которых везут хлеб. Туда загружали людей, детей, матерей с детьми. Иногда детей забирали у матерей. И загружали полностью полную машину и умертвляли газом и увозили в Дробицкий яр. И там сгружали, выгружали, выбрасывали. И в этом Дробицком яре не только выгружали с этих душегубок, но и выводили на расстрел многих. Даже, можно сказать, бараками, людей. Сколько было в бараке людей – столько туда отправляли. Это не было сразу возле Тракторного завода, это было немного дальше. Это было в лесу и очень неприметное место. Туда не ходил никакой транспорт, ничего. Только можно было пешком дойти туда. И то место, где расстреливали евреев. И расстреливали там, сжигали там, всех отправляли в Дробицкий яр. Когда приехал отец, я возвращаюсь к тому месту. Когда приехал за нами отец, он привёз драгоценности и подкупил полицейских, чтобы он разрешил ему забрать двоих или троих детей. Он хотел троих забрать. Нас, троих детей. Вот. Но полицейский не согласился и сказал ему, что твоих драгоценностей только хватит на двоих детей. Вот выбирай из троих, бери только двоих детей.

И. – Этот полицейский был кто по национальности?

З. Н. – Вот я не могу, я сейчас не знаю, я это никогда не уточняла с моим отцом. И у нас не было другого разговора. Я только слышала слово «полицейский», вот, который выпускал... мог выпустить. Вот. И папа дал ему эти драгоценности. Он сказал: «Двоих можешь взять». Отец приехал и взял с собой эту тачку. Но поставил тачку в какой-то ров, чтоб не было её видно. И когда он по одному нас вывел, он усадил нас на эту тачку.

И. – Троих или двоих?

З. Н. – Двоих. Он выбрал меня и брата. А самая маленькая оставалась с мамой. Она была грудной, грудной ребёнок. Но он маме пообещал, что через несколько дней он соберёт ещё драгоценностей. Ну, была в Харькове китайская община. Это помогла китайская община. Они собрали на нас, на наш выкуп деньги. Не деньги, а драгоценности. И он надеялся, что ещё на эту маленькую Ларису тоже сможет достать деньги, эти драгоценности.

И. – Только на Ларису, или на Ларису и маму?

З. Н. – На Ларису только. Потому что маму невозможно было оттуда забрать.

И. – Почему?

З. Н. – Потому что моя мама была выраженная еврейка. Её бы всё равно где-нибудь бы по дороге или в доме очень много... Я потом в процесс расскажу там дальше. Вот. Ну, когда отец нас забирал, то вы можете себе только представить, страдания моей мамы. Это был крик матери, которая знала, что она больше никогда не увидит своих детей! (плачет) Так и получилось. Она плакала, кричала, а потом она затихла. У неё слёзы лились по лицу. Я её такой запомнила. Отец нас повёз по дороге. Не по дороге, а даже это было окраинами. Лесами такими. В общем, дорога шла шоссейная, а он возле дороги ехал. И я запомнила, что это было перед Новым годом, потому что он сломал ещё маленькую ёлочку и положил нам в ноги. Он хотел как-то нам, хотел, наверное, украсить нашу тяжелую не по-детски, жизнь, и сломал эту ёлочку нам. Потом мы часто вспоминали, каждый, почти, Новый год мы вспоминали про эту ёлочку. Вот. Он нас привёз в Харьков. Это уже была совсем другая квартира, не та, в которой мы жили с мамой. Нам приходилось часто менять место жительства, потому что в Харькове оставалось ещё много таких людей, которые выдавали немцам, где жили евреи. Но немцы прекрасно знали, где были евреи, потому что ни один еврей не мог остаться живым, так как все евреи должны были выехать по домовый книге. А в домовый книге писалось, в графе национальность – еврей. Значит все должны были до единого, чтобы не оставалось никаких свидетелей. Поэтому нам приходилось всё время менять место жительства. Где только были пустующие квартиры или... В основном, это были подвальные, полуподвальные помещения. Когда он нас привёз, у нас не было там еды. Не знаю, где-то он добыл какие-то лушпайки от картошки. Вот. Он их отварил. Был голод в Харькове, сильный.

И. – Лушпайки – это что такое?

З. Н. – Это, простите, это очистки от картошки.

И. – Кожура?

З. Н. – Кожура. Вот. Ну, брат маленький был. Он... у него всегда аппетит был хороший. И он это всё ел, вместе всё. Но я по натуре такая была, что, знаете, брала ножик, и ножиком соскабливала это только (показывает). Саму кожуру не ела. Ну, у него, конечно, развился рахит, у брата, потому что был голод, он был маленький. Вот. И так отец нас прятал. Не знаю, как мы только выжили. У нас несколько, мы две или три квартиры поменяли. Потому что он боялся, чтоб кто-то не выдал, что он прячет детей от еврейской мамы. А очень много было доносчиков. Очень много было доносчиков! Нам приходилось прятаться всё время. Потом где-то через... более полгода, отец попросил совсем чужую женщину, чтобы она нас спрятала, потому что ему надо было тоже прятаться отдельно. Когда он её попросил, он на коленях стоял перед ней и уговаривал. Она боялась тоже, потому что, если только немцы бы узнали, что она прячет детей от еврейской мамы, то они бы её тоже расстреляли.

И. – Вас было уже трое или двое?

З. Н. – Нас было двое. Я пропустила, я Вам не сказала. На вт... третий день, как отец нас забрал, он собрал еще. Какие-то у него, я вот помню, что это были какие-то монеты... э-э-э... монеты золотые. Это дали ему китайцы с китайской общины для того, чтобы он забрал самую маленькую. Ну, он уже собирался ехать туда. И он договорился, чтобы с нами осталась та женщина. Ну, пришёл мужчина утром и говорит: «Николай Николаевич, мужайтесь, Вам уже нечего туда ехать. Там никого в живых не осталось. Вашу жену и Вашу дочь расстреляли, а барак, в котором они находились, сожгли. Там кроме пепла Вы ничего не найдёте». Эти слова у меня остались на всю жизнь. Я была маленькая, может быть, я так серьёзно это всё не понимала, но я понимала, что моей мамы больше нет. Мой папа плакал, а я его успокаивала. И так мы остались без мамы. И когда отец стал уговаривать (плачет) через полгода эту женщину чужую...

И. – Вы не помните, как её звали?

З. Н. – Ну, её звали Чи Фу Лин Таисия Васильевна.

И. – Она была кто по национальности?

З. Н. – Она была тоже, знаете, у неё мама была русская, казачка, отец был китаец. Вот. Но она не была так преследуема, потому что у неё не было еврейского ничего. И поэтому отец её стал уговаривать и просить, мол, спрячь этих детей. Она согласилась. Она знала, что ей угрожает это, но она согласилась. Она была молодая, ей в то время было, ну, 22 года.

И. – У неё детей не было своих?

З. Н. – У неё не было детей, она была одинока. Её родители умерли к этому времени. Она была одна и жила у тётки. В Харькове на площади Рыбной, дом 2, квартира 8. Ну, она нас взяла,

а чтобы мы не плакали, отец нам сказал, что он идёт, поищет нам что-то покушать. Отец ушёл и прятался всё время. Где он прятался – мы не знали. Мы остались с этой женщиной до конца войны.

И. – Почему отец прятался, а эта женщина не пряталась? Ведь и тот, и другой – были китайцы?

З. Н. – Да. Но отец прятался только из-за того, что многие знали, что у него была жена еврейка. Вот. А если у него жена еврейка, значит он тоже мог... «Где, - спросят, твои дети?», - или кто-то бы донёс, что он взял детей. Он этого боялся, и он прятался. Его не было с нами. А мы жили с этой женщиной. Она была одна. Я помню, мы жили на Кузнечной улице, потом ещё на какой-то улице, это было полуподвальное помещение. Мы спали, мы лежали на кровати, сидели там, прятались и ширма была. Такая вот, я не знаю, сейчас таких даже нету. Вот за этой ширмой, если какой-то стук был, то нас накрывали ещё одеялом, чтоб мы тихо сидели. Вот мы были маленькие, но мы уже знали, что такое страх, что такое война, и сто такое расстрел. И что... как убивают. Мы этого очень боялись. Она иногда нас оставляла и уходила в какие-то сёла недалеко от Харькова. Я слышала такое слово, под Чугуев, или какое-то вот такое место было. Вот. Или в ту сторону она ходила. Она, какие у нас были какие-то вещи, она туда ходила, меняла, и иногда приносила нам эти, лушпайки, иногда была макуха...

И. – Что это такое?

З. Н. – Э-м-м... макуха – это была радость для нас. Была макуха двух сортов. Иногда она нам приносила такую макуху из подсолнечника, семечек подсолнуха, а иногда всё вместе с кожурой. Вот та, которая с кожурой была, со жмыхом, так та залазила в зубки нам и было больно. Но мы всё равно старались, это как-то жевали. Чтобы не умереть с голоду мы это ели.

И. – Это что, семечки подсолнечные?

З. Н. – Да, это спрессованные такие круги были. Вот. Иногда такой кусок, она иногда нам приносила. И так мы... Иногда были лушпайки. Вот. А один раз она принесла, видно это было в темноте, она не заметила, это были зерна пшеницы или ячменя. Злаковых, я не знаю, что это, как это называлось в то время. И было пополам с мышьяком. С мышинным помётом, или как это назвать. Потому что мыши это ели, и там они пачкали это всё вместе. И так оно вместе, пополам и так далее. Вот. Ну, она, конечно, это перебирала. Это был для нас праздник, потому что это был, хоть чуть-чуть пахло хлебом. Она это варила. И так мы жили до конца войны.

И. – Во время, в этот период, папа не приходил к вам, не посещал вас?

З. Н. – Нет, не приходил. Я еще могу Вам рассказать один эпизод, который я тоже очень хорошо запомнила. Мы прятались на улице Московская. Сейчас она, по-моему наз... после она называлась проспект Сталина. А-а-а... мы там жили в пустующей тоже квартире, мы там заняли. И пришли второе лето... второй раз немцы. Там три раза немцы были в Харькове, наступали. А это второй раз, когда они были, так я не знаю, это ли были немцы, но они не в такой форме, как немцы [венгры?]. И у них пистолеты были наготове вот так всё время (показывает). А у нас был такой дом, что вход был с двух сторон. С двух торцов можно было зайти. И нам сказали – облава. Мы узнали и нам пришлось... Если немцы зашли в один конец, то мы ходили вот так по коридорам и прятались. Они искали евреев только. Они спрашивали... еврей... но это как-то по-другому они говорили. Идиш-идиш? «Идиш?», - спрашивали.

И. – Юден?

З. Н. – Юден! Юден, да. «Юден? Юден?», - вот так пистолетом, - «Юден? Юден?» (показывает). Это было страшно, мы бегали, мы за неё держались, за эту женщину, за Таисию Васильевну. Мы держались и у нас был такой страх, потому что в любой момент, в любой момент нас могли расстрелять. Вот мы дети, такие маленькие, но мы уже этого боялись. И потом, когда немцы ушли, то мы за... увидели одну женщину, это была дочь печника. Я не могу Вам сейчас сказать фамилию и имя, потому что я просто не помню. Я помню её силуэт. Она сидела в проёме, в коридоре, и у неё была грудь, пробитая пулей. И она умирала. А на крыльце сто... на крыльце расстреляли её отца. И было так крыльцо, а там ров. Когда они его расстреляли, он упал в этот ров. Он был еврей. Был с бородой. Может быть, он и был и верующий даже очень. Но они его расстреляли. Они спросили, что он еврей, он сказал: «Да», и они его расстреляли сразу же на месте. А дочь они нашли и расстреляли её в коридоре. И я помню, что мы собрались в одной большой комнате все. Она ещё была немного жива. Ну, она ещё не совсем, она ещё, она была без памяти, но она ещё дышала. И с этих досок, которые там люди достали, сколотили гроб, и так они её положили. Я это запомнила. Её убили только потому, что она была еврейка. Всех расстреливали. Очень много было случаев, когда калеки, которые не могли прийти в этот еврейский район, в это гетто, до... это уже я Вам рассказываю то, что уже слышала от людей, которые там были. То вот рассказывали, что одного инвалида, который не мог идти совсем, они пришли в квартиру, они прямо в кровати его расстреляли. И таких случаев было очень много. Так что единицы остались. Э-э-э... живы евреи, которые не эвакуировались, а остались в оккупации. Это были единицы. А кто и оставался – то их всё равно выдавали.

И. – Зоя, скажите пожалуйста, вот во время Вашего пребывания сперва в гетто, Вы там долго пробыли?

З. Н. – Нет, мы там...

И. – Сколько?

З. Н. – Мы там пробыли в общей сложности месяца два. Ноябрь-декабрь.

И. – Вы что-то помните об этом периоде?

З. Н. – Ну я только помню, что я всё время хотела есть и нам было очень холодно и страшно. Вот это я хорошо помню. Ну, и помню, когда мама старалась успокоить девочку. Вот. Она её, ей давала грудь, но у мамы не было уже молока. Ребёнок кричал, и нечем было кормить. Этот крик до сих пор стоит в моих ушах (плачет).

И. – Кто-нибудь из вас болел там, в гетто?

З. Н. – Нет. Мы были все, ну, простуженные. Но мы на это уже не обращали внимания. У нас было одно желание: мы хотели тишину, мы хотели есть. Был голод. Те запасы, которые у нас были, мы их съели. Мы... нам сказали, возьмите продуктов на два-три дня. А мы там были почти два месяца. Никто нас не кормил, никто нам ничего там не давал. Мы ничего, у нас вот что было, мы так, мама растягивала что-то там. Иногда кто-то съел. Но когда была война, вот я Вам рассказывала, что мы остались с этой женщиной, я помню один случай. Она принесла два кусочка хлеба. Это были вот такие маленькие кусочки (показывает). Два. Это если на всю буханку хлеб так пополам так разрезать, вот такие тоненькие два кусочка. Дала мне и брату, Виктору. И говорит: «Дети, вы не спешите. Вы ешьте медленно и хорошо жуйте». Я была постарше, я ела медленно. А брат был совсем маленьким, ему было 3 годика. Он раз – и проглотил всё. Потому что голод. И потом смотрел всё время чтобы я ему дала. И просил, и ручками тянулся, и просил. Я стала на табуретку, чтоб он меня не достал. И ела вот так. И боялась, чтобы у меня не упала ни одна крошечка! Я, конечно, долго жевала этот хлеб. Я сейчас вспоминаю, это было такое наслаждение. Это было, наверное, больше, чем сейчас пирожное. Этот кусочек хлеба (плачет).

И. – А были в гетто, Вы не знаете, какие-нибудь убийства, издевательства со стороны оккупационных войск?

З. Н. – Конечно были. Помню, вот один эпизод этот я помню. Я не знаю только, чей это был мальчик. Немец его подозвал. Ну, этому ребенку, наверное, было... он был меньше моего брата. Моему брату было 3 годика, ну, ему, может быть, было, ну, около трёх или два с половиной. Ну, это, может быть, это был такой немец, который, ну, не был начальником он там большим. Он так ходил с одного барака в другой. Надсмотрщик наверно он был.

Вот. Он подозвал этого маленького и показал ему конфету. Когда ребёнок подошёл, он его пнул сапогом. Этот ребёнок упал... даже не могу сказать... метров, наверное, шесть летел. Так он его этим, такие сапоги у них были. Вот такие массивные. И он бросил этого ребенка. Толкнул сапогом, и ребёнок разбился, у него пошла кровь с носа, была разбита губа у мальчика. И он стоял и ноги вот так расставил и смеялся, хохотал. Мама там этого ребёнка очень плакала и склонилась над ребёнком и сразу его оттащила, потому что... Ей ещё помогли другие женщины. Боялись, что он его застрелит. Вот этот эпизод я тоже очень хорошо запомнила. Они издевались, они не понимали, что такое женщина, ребёнок, инвалид, калека. Для них не было... для них была национальность. Еврей – всё. Еврейский ребёнок или это женщина еврейской национальности – это не человек.

И. – А что, все так относились к евреям? Не было ли среди них людей, не знаю, можно ли назвать их людьми, э-э-э... людей, которые защищали евреев?

З. Н. – Я не могу сказать, потому что в моей памяти этого... я не помню. Но я слышала, что были такие, которые за... Были такие. Но это были единицы. Потому что вот мне рассказывала там уже в этом же доме, ну тоже девочка, моя, может быть, сверстница. Так она, она была на костылях с одной ногой, так она сказала, что её и ещё одну девочку немцы пригласили... пригласили. Потому что рядом, где мы прятались, там была... э-э-э... воинская часть немецкая. Недалеко от нашего дома. И эта девочка говорила, что они её пригласили и ещё одну и намазали ей два куса хлеба с маслом и сверху с вареньем. И фотографировали. С сарая. Этот корреспондент залез на сарай и сверху их фотографировал. Какой-то будто бы журнал. Пока он залез на сарай, то они уже съели эти два куса хлеба, и он очень ругался по-немецки. И ему пришлось второй раз отрезать по куску хлеба и дать этим детям. Ну я считаю, с одной стороны, конечно он детей накормил этим, но, с другой стороны, у него была цель.